

Головченко Игорь Федорович

ПО СЛЕДАМ ЦЕРБЕРА: ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА КАК ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

Статья посвящена "крымскому тексту" в творчестве О. Э. Мандельштама, состоящему из нескольких стихотворных и прозаических произведений, написанных по впечатлениям от поездок в Крым в 1920 и 1932 гг. Поездка в Крым изображена как путешествие в царство мертвых, и доказательством этого является предпринятый автором статьи анализ образа собак, собачьей своры, постоянно повторяющегося в "крымских" стихотворениях и эссе Мандельштама.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 26-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MULTIDIMENSIONAL GENRE SYNTHESIS IN VAJIRAVUDH RAMA'S VI PLAY "MADANAPADA"

Volkova Kseniya Borisovna

*Lomonosov Moscow State University
egorovaksenya@mail.ru*

This article analyzes a play written by the Thai King Rama VI Vajiravudh – “Madanapada” (1923). Written at the end of the monarch’s life, it is highlighted due to the supremacy of love line, whereas before in the dramatic works of the founder of the “New Thai drama” socio-political themes dominated. Special attention is paid to the analysis of the genre features of the play. The gifted playwright managed to disclose a love conflict in an original way, combining in his work the European and Indian dramatic systems, while preserving a strong link with the traditional Thai theatre. The paper also focuses on the singularity of meters used by Vajiravudh due to which the play was recognized the top of the king’s dramaturgy.

Key words and phrases: Thailand; Vajiravudh; Rama VI; spoken drama; traditional theatre; dramaturgy.

УДК 821'01

Статья посвящена «крымскому тексту» в творчестве О. Э. Мандельштама, состоящему из нескольких стихотворных и прозаических произведений, написанных по впечатлениям от поездок в Крым в 1920 и 1932 гг. Поездка в Крым изображена как путешествие в царство мертвых, и доказательством этого является предпринятый автором статьи анализ образа собак, собачьей своры, постоянно повторяющегося в «крымских» стихотворениях и эссе Мандельштама.

Ключевые слова и фразы: путешествие; тревелог; русская литература; поэзия; Мандельштам; образ собаки.

Головченко Игорь Федорович, к.ю.н., доцент
*Пятигорский государственный университет
i_golovchenko@yahoo.com*

ПО СЛЕДАМ ЦЕРБЕРА: ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА
КАК ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

Осип Мандельштам ездил в Крым в 1920, затем в 1932 году. Эти поездки вдохновили его на стихотворения и прозаические эссе о Крыме, Феодосии, мысе Меганон и пр. Анализируя стихотворные и прозаические произведения О. Э. Мандельштама о Крыме, Франк Гёблер вводит понятие «крымского текста» в творчестве поэта: «Мандельштам вписал себя в предшествующий культурный дискурс, который я, ориентируясь на такие понятия, как “Петербургский текст”, “Кавказский текст”, “Итальянский текст”, хочу назвать “Крымским текстом”» [3, с. 58].

В ряде трудов исследователей творчества Мандельштама топоним Крыма мыслится как оппозиция враждебным и недружелюбным Москве и Петербургу [1, с. 62].

Стихотворения, посвященные Крыму, – слепок, моментальная фотография, в которой отражаются сиюминутные впечатления – как и в «римском» тексте, переплетающиеся с историей и культурой. «Мандельштам работает не с вещными образами внешнего мира, как раньше, а скорее с их семантическими полями. “Пуантилистская” манера письма, смысловое перетекание образов вызваны онтологической подвижностью вещей, изменением их субстанциальных качеств. Косвенным подтверждением этого тезиса является тот факт, что в стихотворениях “крымского-эллинского цикла” (“Феодосия”, “Золотистого меда струя из бутылки текла...”, “Черепаша” и др.), изображающих гармонически целостное бытие, поэт возвращается к акмеистской поэтике “Камня”» [5, с. 77]. Любопытно, что единым знаменателем этого «пучка» восприятий становится образ собаки:

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки
(«Золотистого меда струя из бутылки текла...») [9]...

Везут собак в тюрьмоподобной фуре,
Сухая пыль по улицам несётся
(«Феодосия») [11]...

Холодная весна. Голодный Старый Крым,
Как был при Врангеле – такой же виноватый.
Овчарки на дворе, на рубищах заплаты,
Такой же серенький, кусающийся дым
(«Холодная весна. Голодный Старый Крым...») [13].

В «Старухиной птице» на улицах звучит собачий лай, а путник готов побежать к кому угодно, лишь бы скрыться от злых собак. В эссе «Бармы закона» также упоминаются собаки, но речь идет лишь об их запахе:

«В прекрасное тело его впились клещи тюрьмы и казармы, по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнувшие собакой и волком, гвардейцы разбитой армии, с фуражки до подошв заряженные лисьим электричеством здоровья и молодости. На иных людей возможность безнаказанного убийства действует, как свежая нарзанная ванна, и Крым для этой породы людей, с детскими наглыми и опасно пустыми карими глазами, был лишь курортом, где они проходили курс лечения, соблюдая бодрящий, благотворный их природе режим» [12].

Собака в мировой культуре часто является стражем царства мертвых или проводником на тот свет: например, египетский Анупис или древнегреческий Цербер. Собаки у Мандельштама становятся символом зла, страха, запустения. Примечательно, что упоминается не конкретная собака с определенными чертами, а всегда «собаки», «овчарки» либо «запах собаки». В том, что для Мандельштама собаки – это именно свора, безымянная, страшная толпа, можно убедиться по отрывку из «Четвертой прозы», где поэт сам иронизирует над собственной фамилией: «С каждым годом я все прожженнее. Как стальными кондукторскими щипцами, я весь изрешечен и проштемпелеван собственной фамилией. Когда меня называют по имени-отчеству, я каждый раз вздрагиваю – никак не могу привыкнуть – какая честь! Хоть бы раз Иван Моисеич в жизни кто назвал!.. Эй, Иван, чеши собак! Мандельштам, чеши собак! Французику – шер-мэтр, дорогой учитель, а мне: Мандельштам, чеши собак! Каждому свое.

Я – стареющий человек – огрызком сердца чешу господских собак – и все им мало, все им мало... С собачьей нежностью глядят на меня глаза писателей русских и умоляют: подохни!» [14].

Мандельштаму чужда традиция мировой литературы, связанная с очеловечиванием собаки. Так, в английской литературе мистера Рочестера из «Джен Эйр» сопровождает верный пес Пират, героев повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» – фокстерьер Монморенси и пр. В русской литературе счастливыми владельцами собак являются герои Л. Н. Толстого (сцена охоты в «Войне и мире»), тургеневские охотники – в литературе XIX века собака чаще понимается утилитарно, она выступает как помощник во время охоты.

«Очеловечивание» собаки свойственно именно культуре XX века – повесть и фильм «Белый Бим Черное ухо», фильмы «Пограничный пес Альпий», «Ко мне, Мухтар!», современный сериал «Возвращение Мухтара». У абстрактных, условных собак, лающих на улицах Феодосии в «крымском тексте» Мандельштама, нет имен, они не «друзья человека». Одним из полюсов русской поэзии Серебряного века в решении образа собаки является братание с собакой по-есенински:

В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.
...
Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук
(«Я обманывать себя не стану...») [4].

И, конечно, «Дай, Джим, на счастье, лапу мне!». То, что Мандельштам – «не-собачий» человек, – косвенно явствует из шуточного теста Анны Ахматовой, якобы предлагавшегося ею всем новым знакомым: «Как известно, великая поэтесса Анна Ахматова была человеком умным, проницательным, достаточно прямым и точным в своих решениях. Она придумала свой собственный психологический тест для типирования малознакомых людей. Каждому новому знакомому поэтесса задавала всего три вопроса о предпочтениях:

“Чай или кофе?”
“Собака или кошка?”
“Пастернак или Мандельштам?”

По полученным ответам Ахматова рисовала психологический портрет собеседника. В ее типологии было все два, диаметрально противоположных, варианта: “Чай, собака, Пастернак” или “Кофе, кошка, Мандельштам” [2].

Даже если эта история является выдумкой, то выдумка парадигматически значима: Мандельштам оказывается «в одной связке» с кошкой и «против» собаки. Своры безличных, не наделенных индивидуальными чертами собак в голодном Крыму – примета всего отталкивающего и страшного.

Самым же примечательным фактом является то, что собаки не упоминаются только в одном тексте «крымского» цикла: «Еще далеко асфodelей...» («Меганом»), и текст этот посвящен путешествию в царство мертвых:

Но здесь душа моя вступает,
Как Персефона, в лёгкий круг,
И в царстве мёртвых не бывает
Прелестных загорелых рук.

Зачем же лодке доверяем
Мы тяжесть урны гробовой
И праздник чёрных роз свершаем
Над аметистовой водой
(«Еще далеко асфodelей...») [8]?

Толкуя это стихотворение, Ф. Гёблер пишет, что вся его символика говорит о пути в царство мертвых [3, с. 59].

Постоянное упоминание «собак» во множественном числе тем более значимо, если учесть, что в целом в творчестве Мандельштама образу собаки уделяется крайне мало внимания. Слово «собака», помимо «крымского» цикла, встречается только в стихотворении «В таверне воровская шайка...»:

На рынке возятся собаки,
 Менялы щелкает замок.
 У вечности ворует всякий,
 А вечность – как морской песок
 («В таверне воровская шайка...») [7].

Собака не сопровождает героя в царство мертвых, Мандельштам словно спорит с древней традицией – для него собаки становятся отчетливым, очевидным символом царства живых, но несчастных, измученных страхом и голодом живых.

В предпринятом путешествии собаки становятся символом негостеприимства: «сторожа и собаки», «овчарки на дворе» – это грозный страж, не выпускающий незваных гостей, от собак хочет спрятаться герой «Старухиной птицы».

Весь «крымский текст» пронизан аллюзиями к греческой культуре [1, с. 62]. В этой культурной парадигме трехголовый (как бы в одном существе составляющий трех собак) пес Цербер не выпускает из царства мертвых мучающиеся там души. В описании царства мертвых «собаки» не упоминаются, они пребывают на границе мира мертвых и мира живых.

Путешествие у О. Э. Мандельштама – это практически всегда путешествие не только и не столько в пространстве, сколько во времени [5, с. 59]. Обобщая, следует сказать, что в предпринятом поэтом путешествии в историю, путешествии в память, пронизанном древнегреческими аллюзиями, в описании города, улиц как в стихах, так и в прозе постоянно упоминаются собаки, причем всегда во множественном числе и без указания конкретных признаков или клички. Единственный фрагмент «крымского текста», в котором собаки не упомянуты ни разу, – это стихотворение «Меганом» («Еще далеко асфodelей...»), в котором, как убедительно доказывает Ф. Гёблер, описано царство мертвых. Вероятно, языком намеков и художественных образов Мандельштам хотел показать, что «голодный старый Крым» весь превратился в царство мертвых, а на границе, там, где есть выход в мир живых, стерегут недружелюбные собаки, «овчарки».

В четырех прозаических произведениях, составляющих цикл «Феодосия», постоянны упоминания о смерти и потустороннем мире: «в мягкой гостинной с голоду умерла теософка Анна Михайловна»; «теплый и кроткий овечий город превратился в ад»; «жалкий глиняный Геркуланум, только что вырытый из земли, охраняемый злобными псами»; «идешь, как по мертвому римскому плану»; «старушка жила в предсмертной, праздничной чистоте»; «домишко свой она не просто прибрала, а обрядила»; «бесповоротно считалось, что сюда их привезли умирать»; «здесь было так сухо, что ящерица умерла бы от жажды» [12]. В заключение «Старухиной птицы» эксплицитно сказано, что пребывание в Крыму напоминает о царстве мертвых: «Если выйти на двор в одну из тех ледяных крымских ночей и прислушаться к звуку шагов на бесснежной глинистой земле, подмерзшей, как наша северная колея в октябре, если нащупать глазом в темноте могильники населенных, но погасивших огни городских холмов, если хлебнуть этого варева притушенной жизни, замешанной на густом собачьем лае и посоленной звездами, – физически ясным становилось ощущение спустившейся на мир чумы – тридцатилетней войны, с моровой язвой, притушенными огнями, собачьим лаем и страшной тишиной в домах маленьких людей» [10]. Холмы-могильники, кругом ощущение моровой язвы – и собаки, охраняющие границы этого мира и не выпускающие из него обратно к живым.

Поездки в Крым, ставшие основой для создания «крымского текста», оказались поездками в царство мертвых. Ключом к разгадке этого зашифрованного смысла оказывается образ собаки, точнее собак, лающей и недружелюбной своры, охраняющей границы этого мира.

Список источников

1. Бреева Т. Н. Художественный мир Осипа Мандельштама. М., 2013. 136 с.
2. Варламова С. Чай, собака, Пастернак [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/profile/28864/blog/86998> (дата обращения: 27.01.2017).
3. Гёблер Ф. Путешествия Осипа Мандельштама в Крым: поэтическая медиализация // Беглые взгляды: новое прочтение русских travelogov первой трети XX века. М., 2010. С. 58-62.
4. Есенин С. А. Я обманывать себя не стану... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Esenin/164.htm> (дата обращения: 27.01.2017).
5. Кихней Л. Г. Осип Мандельштам: бытие слова. М., 2000. 146 с.
6. Мандельштам О. Э. Бармы закона [Электронный ресурс]. URL: http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_2/01prose/0629.htm (дата обращения: 07.01.2017).
7. Мандельштам О. Э. В таверне воровская шайка... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/silverage/mandelstam/kamen.html> (дата обращения: 27.01.2017).
8. Мандельштам О. Э. Еще далеко асфodelей... [Электронный ресурс]. URL: <http://er3ed.qrz.ru/mandelstam-tristia.htm#meganom> (дата обращения: 27.01.2017).
9. Мандельштам О. Э. Золотистого меда струя из бутылки текла... [Электронный ресурс]. URL: http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_1/01versus/0092.htm (дата обращения: 27.01.2017).
10. Мандельштам О. Э. Старухина птица [Электронный ресурс]. URL: http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_2/01prose/0629.htm (дата обращения: 27.01.2017).

11. **Мандельштам О. Э.** Феодосия [Электронный ресурс]. URL: <http://er3ed.qrz.ru/mandelstam-tristia.htm#Feodosia> (дата обращения: 27.01.2017).
12. **Мандельштам О. Э.** Феодосия [Электронный ресурс]. URL: http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_2/01prose/0629.htm (дата обращения: 27.01.2017).
13. **Мандельштам О. Э.** Холодная весна. Голодный Старый Крым... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7197> (дата обращения: 27.01.2017).
14. **Мандельштам О. Э.** Четвертая проза [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM/chetvertaya_proza.txt (дата обращения: 27.01.2017).

IN THE WAKE OF CERBERUS: OSIP MANDELSTAM'S JOURNEY TO THE CRIMEA AS JOURNEY TO THE REALM OF THE DEAD

Golovchenko Igor' Fedorovich, Ph. D. in Law, Associate Professor
Pyatigorsk State University
i_golovchenko@yahoo.com

The article is devoted to "The Crimean text" in O. Mandelstam's creativity consisting of several poetic and prosaic works written under the impression from the journeys to the Crimea in 1920 and 1932. The journey to the Crimea is shown as a journey to the realm of the dead, and the proof of this is performed by the author of the article analysis of the images of dogs, the dogs pack, constantly repeated in Mandelstam's "Crimean" poems and essays.

Key words and phrases: journey; travelogue; the Russian literature; poetry; Mandelstam; image of dog.

УДК 821.511.151

В статье впервые рассмотрены пути развития жанрового содержания «военного» рассказа в марийской прозе второй половины 1940-х – начала 1980-х годов, показано обогащение его проблематики и образной системы по сравнению с малой прозой 1941-1945 годов, выявлены некоторые аспекты жанровой поэтики, являющиеся следствием этого процесса.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; проза о войне; рассказ; жанровое содержание; проблематика; жанровая поэтика.

Гусева Надежда Васильевна

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола
ovechkinanadezhda@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ЖАНРОВОГО СОДЕРЖАНИЯ «ВОЕННОГО» РАССКАЗА В МАРИЙСКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х – НАЧАЛА 1980-Х ГОДОВ

Одним из ведущих жанров марийской прозы второй половины 1940-х – начала 1980-х годов о Великой Отечественной войне являлся рассказ. Его жанровая структура, как и в военные годы, испытывающая сильное влияние поэтики документально-публицистической литературы, позволяла писателям детально, правдиво и образно передать картины фронтовой действительности и тыловой жизни, внутренние переживания человека военного времени, его мысли и чувства, а также память о войне. Авторами рассказов были писатели-фронтовики, а их главными героями большей частью становились солдаты – непосредственные или уже бывшие участники Великой Отечественной войны.

Послевоенный этап развития марийской прозы – это расширение и углубление ее проблематики, своего рода кульминация в эволюции жанрового содержания и жанровой формы «военного» рассказа. Следствие этого – драматизм и психологизм как доминантно-стилевые качества повествования, хотя оно по-прежнему было главным образом основано на реальных фактах и реальных судьбах отдельных людей, на реальных историях. Послевоенные рассказы дополняли правду, которая была сказана в военные годы, а привычные всем жанровые формы наполнялись новым содержанием.

Цель данной статьи – выявить траекторию развития жанрового содержания «военного» рассказа в марийской прозе второй половины 1940-х – начала 1980-х годов на уровне его проблематики и образной системы. В таком аспекте послевоенный марийский рассказ о войне специально исследуется впервые. В настоящее время имеется анализ лишь отдельных произведений данного времени в контексте исследования поэтики марийского рассказа вообще [2] и в рамках выявления истоков марийского военного романа [1]. Также нами будет обращено внимание на некоторые элементы поэтики рассказа, проистекающие из расширения и углубления его содержания по сравнению с малой прозой военного времени.

Основной темой «военного» рассказа в послевоенной марийской прозе остается героико-патриотическая тема, которая и определяет центральную проблему данного жанра – героизм простых людей ради мирной жизни. Однако по сравнению с прозой 1941-1945 годов заметно расширяется «рассказовая» проблематика, о чем свидетельствуют произведения второй половины 1940-х – начала 1980-х годов Ю. Артамонова,